А ВДОЛЬ ДОРОГИ — ЖИВЫЕ С КОСАМИ СТОЯТ

Моск. комсомолец - 1995. - 28 июня. - с. 3

НЕИЗВЕСТНЫЙ КРАМАРОВ

"Шолом" Александр Левенбук и артист театра "Эрмитаж" Ерванд Арзаманян. Они рассказали о Крамарове, которого мы совсем не знали...

Ему было трудно жить в безбожной стране

Вот и не стало Савелия Крамарова. Учимся привыкать к этим неизбежным словам. Но! Все же! Зачем его судьба выступила такой злодейкой? Почему легендарная суперпопулярность потрясающего актера (причем в течение многих лет), сверхлюбовь к нему зрителей (независимо от их возраста, пола, уровня интеллекта и размера кармана) не тормознули на подступах к больничной койке старуху с косой? Не указали ей другой путь? Кто ж ответит, кроме Господа Бога...

Только в России он снялся в 42-х фильмах. На многие из них мы ходили из-за Крамарова — его взгляда, жеста, реплики. Это понимаешь сейчас. Тогда — помните, как над ним смеялись, издевались, цитируя, передразнивали — не понимая, что гениальный комик-эксцентрик всего лишь услужливо подносил к нам зеркало... Его фразы и словечки становились крылатыми вроде: "А вдоль дороги мертвые с косами стоят...". В жизни же артиста было куда больше не безобидных "мертвых", а страшных "живых" с косами...

Сразу после сообщения о его смерти в нашу редакцию пришли — режиссер Театра эстрады Артур Вишневецкий, худрук театра

Рубашка на счастье и эмигрантское пальто

Когда он снялся в первом фильме, ему сказали, что надо делать карточку- открытку — как у всех популярных киноактеров. А ему не в чем было сниматься — он и занял у Левенбука полосатую рубашку. Она до сих пор сохранилась, и недавно Александр Семенович принес ее в театр показать своим актерам.

А поскольку вещей у Крамарова было вообще мало, **Лифшиц** (партнер Левенбука) дал ему свое демисезонное пальто: "Носи сколько надо, потом отдашь". Он потом что-то купил, пришел к Лифшицу отдавать — тот открывает дверь — Савелий стоит в его пальто. Посмотрел Лифшиц и сказал: "Сава, тебе так идет, оставь себе". А когда Крамаров уезжал, пальто он оставил Левенбуку.

Этюд "на морду моего лица"

Он уже выступал много, но учился — еще больше. У Вицина, Пуговкина, Хайта, Розовского. В 79-м году в Ялте, в доме отдыха "Актер" подошел к Артуру Вишневецкому (на тамошнем эстрадном конкурсе выступали его ученики) и попросил его сделать номер "на морду моего лица". В Ялте они начали работать, и затем продолжили в Москве в течение года.

— Он понимал своеобразие своей внешности и хотел номера без текстов, — **вспоминает Вишневецкий.** — **Жванецкий** написал ему вступительный монолог, который перевели на английский. Делая номера, мы брали за основу классическую пантомиму — "хирург", "письмо", "в ресторане". Но он не был мимом. Поэтому получались такие лаконичные этюды в условиях органичного молчания. " **Мимодрама** "— есть такой жанр. Савелий все делал просто, кратко, смешно — и зрителя устраивало.

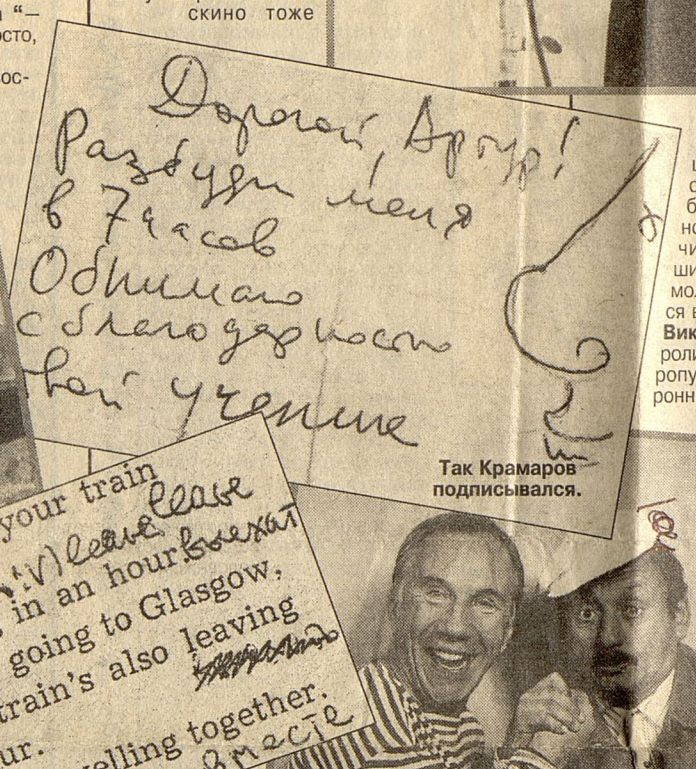
— В чем была трудность? Он был воспитан в кино, привык ко всему "натурально-му".

И поэтому условность номеров не мог вначале воспринять. Прошло месяца полтора, пока он постиг специфику эстрады, перестроился с киношной "натуры" на высокий градус эстрадной условности, даже с Вициным консультировался — ну почему хирург так на руку "кишки мотает?" Почему все органы вынимает и выбрасывает? Они искали натуральное оправдание. И нашли: хирург, мол, нанюхался спирта и захмелел. Пришлось объяснять, что такое средства сатирической типизации, что все это условность. Теорию комического в институте, увы, тогда не учили...

Кстати, когда я что-то показывал ему как актер, он тактично говорил: "Я так никогда не сделаю".

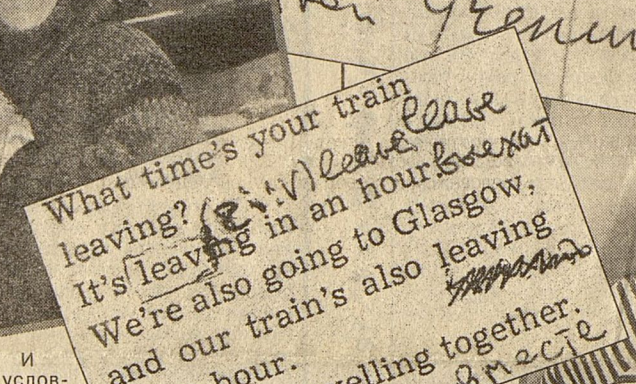
Домашний театр отказников и заштопанная кепка

Когда он пошел в КГБ (его два года не отпускали) и спросил напрямик: "Почему?", ему так же честно ответили: "А это не мы, это Госкино". Был такой порядок: артистов, покидающих Родину, пропагандировать нельзя. А положить на полку 42 фильма в Госкино тоже не хотели. И наконец приняли "мудрое" решение: независимо от страны пребывания гражданина Крамарова фильмы с его участием демонстрировать, изъяв из титров его фамилию. И мы смотрели после 81-го года фильмы с Крамаровым, но как бы без него.



Дорогой Друг!
Разбуди меня
в 7 часов
Обнимаю
с благодарностью
Твой Ученик

Так Крамаров подписывался.



What time's your train leaving? (P.V) Leave Please
It's leaving in an hour Выехат
We're also going to Glasgow,
and our train's also leaving
in an hour.
So we're travelling together.
Вместе

Так Крамаров учил английский.

Последние полгода до отъезда ему пришлось особенно тяжко. Он уже не выступал, от концертов отказывался, чтобы не подводить людей, учил английский, готовил новый репертуар. Но жить-то надо было.

И он придумал простой, как веник, фокус: ездил по подмосковным домам отдыха и санаториям, давая небольшие выступления. Народ его любил, и, конечно, приглашали погостить.

Ему было удобно, а в санаториях были счастливы, что у них живет Савелий Крамаров.

А **"домашний театр"?**. Его сделали отказники, чтобы привлечь внимание к своим проблемам. Играли на квартирах, звали иностранных корреспондентов. В результате — успех — всех выпустили, но это уже в финале, а сначала дело дошло до **"Письма к Рейгану"**.

Крамаров с помощью Левенбука написал его как актер актеру.

В письме говорилось о том, что его незаконно не выпускают, он не может работать, и хоть не умирает с голода, но все-таки... Письмо было написано с юмором, в расчете на то, что его там опубликуют. Что и произошло, также его передали несколько раз по "Голосу Америки".

...За полгода до отъезда он случайно столкнулся с Арзаманяном на Маяковке. "Мне здесь трудно, я не уживаюсь", — признался Сава.

Он долго говорил, как ему тяжело здесь, как он хочет найти себя. Эрик успокаивал: "Ты уже "заслуженный", не сегодня-завтра тебе "народного" дадут" — "Я не могу. Меня раздражают эти толпы, которые ходят. Надоело". Действительно, среди поклонников лишь немногие хотели с ним общения, хватало и хамов, и пьяни всякой. Но он был человеком на редкость выдержанным, корректным.

Кстати: тактичность его проявилась и в том, что он просил не приходить в аэропорт прощаться .Понимал, что зафиксируют провожающих. Кто мог — пришел.

А уезжал он с двумя небольшими полупустыми чемоданами и в заштопанной кепке, в которой снимался в фильме "Друг мой Колька". Кепка была как талисман. Он уезжал один, но его ждала еврейская община. В том числе давно эмигрировавший Лифшиц... И вот 31 октября 81-го года самолет вылетел из Москвы и приземлился в Вене. Там его встретил импресарио **Виктор Шульман.** Он организовал гастроли, и за два месяца они объездили Европу. Там он выходил к зрителям с коронными левенбукскими примочками типа: "Дамы и господа, извините за этот вид. Это все, что оставила московская таможня". Или: "Я всегда играл дураков, пьяниц и забулдыг, и мне очень приятно, что вы меня встретили как родного". Затем его ждала Америка...

"В наших книгах сказано..."

Поворот к **иудаизму** произошел у него года за четыре до отъезда. А все началось с увлечения **йогой**. Как актеру ему необходимо было следить за физической формой — он бегал по утрам трусцой вокруг своего знаменитого круглого дома на Мосфильмовской, делал упражнения. Йога физическая незаметно перешла в духовную, то есть религию. А зачем ему чужая, когда есть своя? И Крамаров стал истовым иудаистом, исправно посещающим синагогу, признающим лишь **кошерную** пищу.

Во время репетиций, вспоминает Вишневецкий, он часто говорил: "А в наших книгах сказано..." И приводил подходящую цитату, которая могла повлиять на принятие решения. Он **мог** прервать репетицию, извиниться и уйти на 10 минут помолиться в соседнюю комнату, потому что пришло время... Он **не мог** знакомиться с девушками, работать в пятницу вечером или в субботу... А этого в съемочных группах, конечно, не понимали.

Наверное, религиозная проблема и стала главной, единственной и истинной причиной его отъезда. Ни творческих, ни материальных затруднений артист не испытывал. Но правоверному иудаисту трудно жить в безбожной стране и соблюдать хотя бы некоторые из 613 заповедей его религии...Так во всяком случае утверждают некоторые его единоверцы.

И все же он сомневался.

Как-то спросил у Вишневецкого: "То, что я уезжаю, это моя воля или воля свыше?" На что тот, заядлый атеист, молвил: "То, что с нами случается, конечно, воля свыше..." Хотел, видимо, успокоить — потому что ортодокс-иудей тут же бы напомнил о свободе выбора...

Как гэбист гэбисту...

В Лос-Анджелесе у него была скромная квартирка из одной большой комнаты и чуланчика, который он приспособил под спальню. Гостей принимал в большой зале.

— Когда первый раз встретились, — вспоминает Левенбук, — он целый день ходил с нами и повторял: "Не может быть!" Это было начало перестройки — 86-й! Савелий в это время играл в фильмах чаще всего русских кэгэбэшников. Тогда с нами, с Камерным еврейским театром, был сопровождающий. Но это был очаровательный интеллигент (мы знаем, что и в этом ведомстве были замечательные люди). Савелий ходил с ним в обнимку, а тот оборачивался и говорил: "Потом меня играть будет".

У нас были крохотные суточные, а хотелось всем привезти подарки. Савелий спросил: "Ребята, что я могу для вас сделать?" — "Дай нам по сто долларов", — ответили мы честно. Он сказал: "Хорошо". И принес завтра нам не двести, а пятьсот. Мы с Хайтом сказали, что много, но, конечно, взяли. А когда приехали второй раз и уже появились приличные гонорары, то хотели ему отдать. Он замахал руками, затопал ногами...

А ведь по американским понятиям он жил очень скромно (хотя и угощал гостей лососиной). Как члену актерской гильдии ему всегда хватало на жизнь, на скромные вещи, на дочку, которая после развода жила с бывшей женой и о которой он постоянно заботился. Снимался он немного, но гильдия помогала. Каждый год он ездил в Европу, купил "Мерседес", затем домик в Сан-Франциско. Как-то его неправильно обозначили в титрах — агент добился через суд исправления и такой компенсации, на которую Крамаров мог жить несколько лет.

— Мы с Хайтом, гостя у Крамарова, позволяли себе шутки с подковырками, — вспоминает Левенбук.— В азарте веселья иногда переходили границы приличий, теряли чувство меры. Извинялись — а он и не думал обижаться. У него совершенно не было никаких амбиций... Кстати, он любил анекдоты о себе. И сам с блеском их рассказывал: особенно о противогазе. Помните: "Товарищ сержант, это не противогаз, это мое лицо...

...А английский он так и не выучил. Как-то в одном магазине полтора часа искали оставленную не на том этаже машину — потому что, объясняясь с полицейским, Сава чего-то не понял...

...Как-то в зоомагазине, где в стеклянных аквариумах продаются животные, он встал за стекло рядом с собакой. И был счастлив — потому что, узнав его, девушки стали смеяться...

...А ведь несколькими годами раньше Жванецкий, которого пытали вопросами типа: "Счастлив ли в Америке Крамаров?", категорично отвечал: "Нет. Потому что его не узнают на улице".

"Гуд бай, Америка?"

В позапрошлом году Лужков собирал лидеров московских театров в **Кусково**. Савелий приехал за день до этого. Он позвонил Левенбуку и попросил содействия: хотел обратиться к Лужкову с просьбой о служебной квартире — чтобы больше не надоедать друзьям (это хлопотно), не снимать гостиницу (это дорого). Тот оставил пропуск на контроле. И вот выступает Лужков, а все поворачиваются: Савелий идет по залу. Никто уже не слушал ораторов, все смотрели только на него. И когда кончилась торжественная часть, все наши суперзвезды бежали фотографироваться с Крамаровым. Ну, а просьбу его обещали рассмотреть.

То, что мы не можем купить...

Нина Самойловна **Горячева**, в прошлом зав. отделением туберкулезной клиники в Сокольниках, уже два года живет в Израиле. Она-то и вылечила за несколько лет Крамарова-подростка от туберкулеза...

...Он отдавал отчет, что его знаменитый взгляд на тебя и в никуда одновременно, за который так часто останавливали гаишники, — его хлеб. И одновременно — нарушение глазного нерва. Это заметила жена Александра Лифшица, глазной врач Рива. И предложила пустяковую операцию — подрезать мышцу. Сначала он замахал руками, а потом решился, и глаз "встал на место". Но взгляд, кстати, почти не изменился.

Наконец, самое трагическое. Рак, причем внезапный. По мнению известного кинофотографа **Игоря Гневашева**, встречавшегося с Крамаровым в его последний приезд, во всем виновато увлечение артистом в последние годы **сыроедением**. Так, в гостях у Гневашева, тщетно пытавшегося соблазнить Крамарова борщом и блинами, тот ел лишь из принесенной с собой кастрюльки (!). Гневашев, кстати, серьезно предупреждает: это уже третий по счету его знакомый, ставший в неюном возрасте заядлым сыроедом и столь трагически расплатившийся за это свое увлечение. А перед этим испытавший серьезные проблемы с памятью... Кстати, во время работы в фильме **Михаила Кокшенова "Русский бизнес"** Крамаров уже с трудом ориентировался, забывал текст... Уже в Америке Крамарову на толстом кишечнике была сделана операция, что дало редкое осложнение — воспаление оболочки сердца (эндокардит). Тромбоз, два инсульта, последний из которых унес и речь, и зрение... Угас он постепенно вечером 6 июня...

"Знаете, каким он парнем был?"

Добрым. Легким. Скромным во всем до аскетизма — деньги его мало интересовали, говорят мои собеседники. Никому не делал зла. Никого не обижал. Не кичился своей популярностью. И даже если ему надоедал полупьяный зритель с просьбой дать автограф или вместе выпить — он, сам не пьющий и не курящий, никогда не грубил. Это был действительно и божий, и интеллигентный человек...

* * *

Наш рассказ о Савелии Крамарове вовсе не закончен. Он только начат. Если у вас есть, что поведать о замечательном артисте и человеке, — в отделе культуры "МК" будут только рады.

Наталья БОБРОВА.
Фото Игоря ГНЕВАШЕВА.

"Сава, ты как здесь?!"

Два сезона Крамаров (ему было тогда 33) работал в Московском новом театре миниатюр, созданном **Владимиром Поляковым** (сегодня это театр "Эрмитаж"). К тому времени многие популярные актеры ушли из театра — Марк Захаров, Зиновий Высоковский... Крамаров всколыхнул былую популярность театра.

Нужно было вводиться в спектакли. И он принес написанный незадолго до этого Василием Шукшиным рассказ **"Ваня, ты как здесь?!"**. Показал другому артисту, своему партнеру **Алексею Горизонтову** — тому понравилось. Режиссеру театра **Нине Городецкой** — тоже. И они стали репетировать эту миниатюру и ввели ее в спектакль **"Скрытой камерой"**.

"Вообще, у нас в театре он сыграл очень мало, — говорит Эрик Арзаманян. — во-первых, учился, во-вторых, очень много снимался, занимался концертной деятельностью..."

Но в роли **Проньки Лагутина — Вани** — успех получил не оглушительный, а гораздо больший. Творилось что-то невероятное. Смотреть на него ходили толпы! И он перекрывал своим успехом всех, вспоминает Арзаманян. Он мог не участвовать ни в каких кабачках, как Рудольф Рудин, мог просто выйти на улицу — за ним толпа! Может, потому, что такого лица, как у Савелия, не было, нет и, наверное, не будет. Еще он сыграл в "Вечере театральных пародий" Владимира Полякова — приблатненного типа: пел какие-то куплеты... Вот и все.

А ушел — потому что был нетеатральным человеком по сути: стремился больше в кино, к концертной деятельности и делал для этого очень многое. Читал эстрадные монологи, участвовал в киновстречах со зрителями. Там бурлила его основная жизнь...

Жена всегда права

При кажущейся открытости, Крамаров был человеком достаточно замкнутым. Коллеги о нем практически не знали ничего, особой дружбы, даже в молодости, он ни с кем не водил.

Может быть, эта скрытность была связана с тяжелой семейной драмой — его отца в 37-м году репрессировали. Он погиб в лагерях, мать была совершенно неприспособленным к жизни человеком и брат отца взял всю заботу о семье на себя. Жили в Москве. Потом мать умерла, и дядя продолжал опекать Савелия. Даже когда тот уже стал студентом сначала Лесотехнического института, а потом ГИТИСА. В 74-м году этот дядя **уехал в Израиль** (к ак и родители Савелия, он был чистокровным евреем.) К нему-то Крамаров и выехал позже для "воссоединения семьи". Но осел, как известно, **в Америке.**

Жены... Их было **три**. С первой, Машей, архитектором, он разошелся еще за 13 лет до отъезда. Причина — **"актерский"** образ жизни Крамарова, его бесконечные отлучки на съемки и экспедиции. Уезжая, кстати, Савелий сказал, что она была во всем права, он кругом виноват. Когда ему не разрешили на таможне вывезти свой антиквариат (Крамаров был страстным коллекционером), то все ценности он оставил Маше.

В Америке он женился еще **дважды**. От первого брака осталась дочка, которая, кстати, подружилась с сыном Наташи Михаилом — его третьей и последней жены.